

Чжу Цзычжэнь вылетел из лавки вне себя от ярости. Он едва сдерживался, чтобы не велеть слугам разнести это проклятое заведение в щепки, но страх перед отцом сковывал его по рукам и ногам. Господин Чжу не должен был узнать ни о проигранных деньгах, ни о заложенных вещах, а значит, жаловаться Чжу Жуйхуну было нельзя. Оставалось лишь молча глотать обиду.

Несмотря на свой решительный уход, второй молодой господин прекрасно понимал: вещи нужно вернуть во что бы то ни стало.

Две тысячи лянов — сумма немалая, но госпожа Ху могла бы её выделить. Вот только признаться матери в том, что его обвёл вокруг пальца какой-то жалкий лавочник, было невыносимо стыдно. Цзычжэню и так сполна досталось от неё, когда она собирала те семь тысяч. Госпожа Ху тогда битый час читала ему нотации, требуя навсегда забыть дорогу в игорные дома. Узнай она, что сын снова влип в историю и лишился двух тысяч, её щедрость иссякнет окончательно.

«Тогда я точно не смогу отыграться, — сокрушённо думал он. — И уж тем более не наскребу денег, чтобы выкупить Циньюй».

Сердце юноши сжималось от досады. Он не хотел разочаровывать мать, но понимал, что иного пути, кроме как добыть злосчастные две тысячи для выкупа заложенной золотой буюо и прочих вещей, у него нет. А взять их, кроме как у госпожи Ху, было негде.

Погружённый в мрачные думы, Чжу Цзычжэнь и не заметил, как ноги сами привели его к переулку, где располагалось подпольное игорное заведение. У входа он замер.

Осознание того, куда он пришёл, на миг ошеломило его, но следом пришло внезапное прозрение.

«Ну конечно! У меня же теперь есть капитал! Я вполне могу отыграться!»

Мать уже отдала ему семь тысяч лянов для погашения долга, к тому же при нём оставались те четыре тысячи, что он выручил в ломбарде и планировал потратить на выкуп. Итого — больше десяти тысяч лянов! Внушительное состояние.

«Если я увеличу эту сумму хотя бы в четыре раза, то и вещи выкуплю, и на Циньюй останется», — лихорадочно соображал он.

За те дни, что он провёл в игорном доме, молодой человек видел и взлёты, и падения. Порой удавалось увеличить ставку в четыре, а то и в пять раз. Он искренне верил, что сможет выиграть по-крупному, и теперь подобная цель казалась ему легкодостижимой. Мысль о лёгкой

наживе вскружила голову, и, забыв о недавних клятвах, юноша решительно направился к дверям притона.

Цзычжэню казалось, что он нашёл идеальное решение, но стоило ему подойти ближе, как до уха донёлся шёпот зевак.

— Смотри... это же тот самый сынок министра, верно?

— Точно он... Неужели опять пришёл играть?

— Говорят, он задолжал семь тысяч. И как только отец его до сих пор из дома не выгнал?

— Может, он не играть пришёл, а долг отдать?

— У богатых свои причуды. Семь тысяч для него — тьфу, мелочь. А будь мы на его месте, за пару сотен нас бы живьём закопали...

Он застыл, чувствуя, как лицо заливают краска стыда.

Он совсем забыл, в каком позорном виде его выставили из игорного дома в прошлый раз. Наверняка полгорода видело его унижение. Будь на месте этих оборванцев кто-то другой, Цзычжэнь уже велел бы своим людям проучить наглецов. Но сейчас он больше всего боялся, что слухи дойдут до ушей Чжу Жуйхуна.

Смерив толпу яростным взглядом, молодой человек не стал ввязываться в спор. Вместо этого он пониже опустил голову и, едва ли не закрывая лицо руками, поспешил поскорее скрыться от чужих взглядов в дверях заведения.

«Проклятое отребье! — кипел он от злости. — Нужно будет найти другое место для игры».

— О, молодой господин Чжу? — ухмыльнулся охранник у входа. — Неужто собрали нужную сумму?

Цзычжэнь мгновенно преобразился. Он высокомерно выпрямил спину, отряхнул рукава и посмотрел на стражника сверху вниз.

— Хм! Какие-то жалкие семь тысяч — неужто ты думал, что мне нужно время, чтобы их собрать?

— Я уже говорил, кто я такой. С чего ты взял, что я стану бегать от долгов? Моё слово твёрдо!

Охранник на миг опешил, но тут же сменил гнев на милость и подобострастно заулыбался:

— Да-да, конечно! Молодой господин — важная персона, для вас семь тысяч — пустяк. Это мы, бедняки, только о деньгах и думаем, вот и привыкли следовать правилам. Простите нашу дремучесть и дерзость, не держите зла на слуг!

— Раз вы закрыли счёт меньше чем за три дня, мы всегда будем рады такому ценному гостю! Прошу вас, проходите!

Лесть подействовала на Чжу Цзычжэня как бальзам на душу. Он с важным видом бросил пачку билетов на семь тысяч лянов приказчику и небрежно добавил:

— У меня ещё полно денег. Есть сегодня стоящие игры? Я бы перекинулся в пару партий.

Приказчик, увидев, что гость намерен продолжать, расплылся в довольной улыбке:

— О, разумеется! Позвольте, я провожу вас и всё покажу?

Юноша высокомерно кивнул:

— Веди.

Приказчик на миг отвёл взгляд и, поймав знак от коллеги из глубины зала, ещё более радушно обратился к нему:

— Сюда, прошу! У вас сегодня такой вид, господин Чжу, будто сама Звезда счастья поцеловала вас в лоб. Уверен, сегодня вы сорвете небывалый куш!

Цзычжэнь окончательно расслабился и даже подумал, что стоит занять ещё немного фишек, чтобы уж точно увеличить капитал в несколько раз.

Он и не подозревал, что стоило ему отвернуться, как подобострастная мина приказчика мгновенно исчезла. Тот поспешил в задние комнаты и глухим голосом бросил остальным:

— Чжу Цзычжэнь отдал долг и снова сел за стол. Срочно доложите наверх.

***

В поместье князя Ли Чжу Цзылин вместе с Жун Чжао снова посетили конюшни.

— Кроме Люэин, остальные лошади вполне покладисты. Тебе не о чем беспокоиться, ты легко с ними справишься, — произнёс Жун Чжао, видя, что супруг медлит.

Цзылин на мгновение задумался.

— А вы уверены, что они не разбегутся?

Он покосился на белоснежного жеребца, который уже успел наворотить дел.

— Вон тот ваш, кажется, опять намылился в бега...

— ...

Жун Чжао посмотрел на Люэин. Тот и впрямь выглядел встревоженным: беспокойно бил хвостом и переступал копытами, словно прикидывая, как бы снова преодолеть ограду.

Лицо князя потемнело. Он бросил на коня тяжёлый, предостерегающий взгляд и негромко позвал:

— Люэин.

Его авторитет подействовал мгновенно. Почувствовав ледяной холод, исходящий от хозяина, жеребец замер и больше не смел шевелиться.

Жун Чжао повернулся к Цзылину.

— Видимо, он решил повторить свой трюк, чтобы порезвиться на воле. Не обращай внимания.

— Выбирай того, кто приглянется, и пробуй. Если возникнут трудности, я помогу.

Князь вспомнил, что в прошлый раз Цзылин сразу приметил именно Люэин. Вкус у юноши был отменный, но этого коня было не так-то просто приручить. К тому же Жун Чжао отметил про себя, что супруг его — натура мягкая: даже с ненавистными родственниками из поместья министра он лишь обменивался колкостями, не помышляя о мести. «Такому доброму человеку лучше подойдёт послушный скакун», — решил Жун Чжао.

Цзылин же всё ещё опасался, что животные бросятся наутёк, но при этом никак не мог подавить в себе плотоядный интерес. Он знал, что есть их нельзя, но при взгляде на ухоженных скакунов в голове то и дело всплывали рецепты.

К счастью, остальные лошади реагировали на него спокойнее. Юноша медленно обходил их

одну за другой, и большинство оставались невозмутимы. Казалось, они не собираются сбрасывать его и пускаться в бегство.

Жаль только, что на вид они казались не такими сочными и жилистыми, как Люэин.

При этой мысли Цзылин не удержался и снова бросил взгляд на белого жеребца. Стоило ему на него посмотреть, как тот снова занервничал и взвился на дыбы.

— И-го-го!

Жеребец громко заржал и тяжело опустился на землю, всем своим видом стараясь показать: «Я очень опасный!» Цзылин даже не успел отреагировать, а Жун Чжао уже нахмурился.

— Люэин! — строго прикрикнул князь. — Что с тобой такое? Что ты задумал?

На этот раз обычная строгость не возымела привычного действия. Конь мотнул головой и шумно фыркнул. В его поведении больше не было ярости, лишь какая-то нервная суета. Он снова негромко заржал, глядя на Жун Чжао, и в этом звуке слышалась почти человеческая обида.

Князь слегка нахмурился, не понимая, что происходит с его любимцем. Обычно Люэин был на редкость сообразительным и прекрасно знал, когда нужно прикинуться пайнкой. Без Жун Чжао он мог разнести полсвета, но стоило хозяину повысить голос, как он тут же принимал самый жалкий вид — настоящий хитрый притворщик среди лошадей.

Но сейчас, на глазах хозяина, он продолжал капризничать.

«Неужели с ним и впрямь что-то не так?»

Жун Чжао погрузился в раздумья, а Чжу Цзылин, о чём-то догадавшись, невинно моргнул и спросил:

— Может, я его опять напугал?

— И в прошлый раз он, должно быть, сбежал из-за меня?

— ...Нет, — отрезал Жун Чжао.

Люэин был умён и обладал звериным чутьём на опасность, но с чего бы ему бояться Цзылина?

Князь посмотрел на юношу. Тот стоял под лучами солнца, которые золотили его бездонные

глаза и окутывали нежные черты лица мягким сиянием. Весь его облик казался воплощением тепла и чистоты, в нём не было ни капли тьмы. Такое прекрасное создание могло вызывать лишь восхищение, но уж точно не страх.

— Он просто хитрая бестия. Наверняка решил, что ты лёгкая добыча, и нарочно капризничает, пока ты здесь, — заключил Жун Чжао.

Он был уверен, что Цзылин не может не нравиться животным. Лишь такой неуправляемый жеребец, как Люэин, мог попытаться выгадать себе пользу из его присутствия. Даже если он не напугал юношу, он явно оставил у него неприятное впечатление.

Поэтому Жун Чжао твёрдо добавил:

— Твоей вины в этом нет, не вини себя.

— А? — Цзылин оторопел.

Жун Чжао уже холодно обратился к коню:

— А ну, иди сюда.

— Если не веришь, можешь попробовать проехать на нём, — предложил князь.

Цзылин: «...»

«Когда это я себя винил?» — недоумевал юноша, но, видя, что Жун Чжао уже подзывает лошадь, предпочёл промолчать.

Люэин услышал приказ, но не поспешил его выполнять. Он сделал несколько шагов и замер перед недавно починенной оградой, мотая головой и жалобно заржав, словно говоря: «Тут забор, я не пройду!»

Лицо Жун Чжао ещё больше помрачнело. Он ледяным тоном процедил:

— Хватит ломать комедию. Быстро ко мне!

— Ты знаешь, что будет, если продолжишь упрямитесь.

Жеребец мгновенно прекратил актёрствовать. Он удручённо опустил голову и, смирившись с судьбой, лёгким прыжком перемахнул через ограду, после чего нехотя потрусил к хозяину. Но чем ближе он подходил, тем медленнее становились его шаги. Он явно не желал приближаться

и в итоге замер в паре шагов от Цзылина, томительно переминаясь с ноги на ногу.

Жун Чжао нахмурился. Глядя на поведение Люэин, он и сам начал подозревать, что тот действительно боится юноши.

Сам же Цзылин об этом не думал. Он смотрел на коня, чей загривок был почти вровень с его плечом, и не удержался от комментария:

— Если он так легко перепрыгивает через такую высокую ограду, то зачем вообще её чинить?

— И раз он умеет прыгать, зачем было ломать её в прошлый раз? Лишние траты на ремонт.

— Мне кажется, он делает это нарочно. Ванье, вы его наказали? Стоит лишить его пары обедов, пусть стоимость забора вычтут из его пайка.

— И-го-го!

Не успел Жун Чжао ответить, как жеребец, словно поняв слова юноши или почувствовав его недобрый настрой, возмущённо затрясся и задрал морду, протестуя.

— Посмотрите, Ванье, он ещё и огрызается!

Цзылин прекрасно помнил, как Люэин разыграл его в прошлый раз, и теперь решил воспользоваться случаем и отплатить тем же.

Жун Чжао мог его пугать сколько угодно — в конце концов, тот был его главным источником пропитания, к тому же исполнял любые капризы, так что на него Цзылин не обижался. Но какой-то конь, который даже не был его «особым гостем», посмел над ним издеваться! Такого он спускать не собирался.

Конечно, Люэин был любимцем князя, и требовать слишком суровой кары было нельзя — Жун Чжао мог и рассердиться. Но, по мнению Цзылина, самое страшное наказание — это остаться голодным. Вряд ли у лошади были другие мечты, кроме еды, так что кара была в самый раз! И Жун Чжао не сочтёт это чрезмерным.

И действительно, князь, услышав предложение супруга, тут же сурово отчитал жеребца:

— Люэин! Совсем от рук отбился? Уже и меня слушать не хочешь?

— Почему бы тебе не возместить ущерб? Кроме ограды, ты разнёс ворота и разбил фонари.

— Когда крушил всё вокруг, тебе было весело? Теперь расплачивайся.

— С этого дня паёк концентрированного корма будет сокращён.

Жеребец понуро опустил голову и ткнулся мордой в край одежды Жун Чжао, словно моля о пощаде. Но тот остался непреклонен:

— Продолжишь капризничать — будешь голодать ещё дольше.

«Фырк...»

Люэин отстранился и бросил взгляд на довольного Чжу Цзылина. Он выглядел ещё более удручённым.

«Противный двуногий!»

Убедившись, что конь присмирел, Жун Чжао взял поводья и спросил:

— Ванфэй умеет ездить верхом?

Хоть жизнь Цзылина в доме Чжу и была тяжёлой, отпрыски знатных семей обычно обучались верховой езде с детства.

Юноша кивнул:

— Уметь-то умею...

«Вот только не садился в седло уже много лет».

Жун Чжао уловил в его голосе тень сомнения. Он перевёл взгляд с высокого жеребца на хрупкого юношу и спросил:

— Ванфэй сможет сам сесть в седло?

Цзылин, конечно, мог бы взобраться на обычную лошадь, но Люэин был огромным — его спина находилась почти на уровне глаз Чжу Цзылина. Конечно, со своими навыками он мог бы вскарабкаться на него, используя и руки, и ноги, но выглядело бы это... не слишком изящно.

Впрочем, юноше было плевать на приличия. Он немного подумал и честно ответил:

— Пожалуй, не смогу. Может...

Он хотел предложить оставить эту затею, но не успел договорить: внезапно он почувствовал, как сильные руки обхватили его за талию, и в следующее мгновение земля ушла из-под ног.

Мир вокруг качнулся, и Цзылин обнаружил, что сидит в седле, а за его спиной находится Жун Чжао. Юноша опешил, чувствуя, как руки князя разжались.

— Хочешь, чтобы я прокатил тебя? — раздался прямо над его ухом низкий голос. Дыхание коснулось его шеи, и Цзылин ощутил вибрацию груди Жун Чжао.

Только тогда он осознал, что князь сам посадил его в седло и теперь сидит сзади. В такой позе, если они поскачут вместе, это будет...

«Верховая езда вдвоём?»

Цзылину всегда было всё равно на чужое мнение, но сейчас, сидя в объятиях Жун Чжао, он почувствовал странную неловкость. Ему стало не по себе.

— Н-нет... не нужно... — сбивчиво проговорил он.

Жун Чжао, кажется, и сам спросил лишь из опасения, что юноша не справится с управлением. Он быстро спрыгнул на землю и передал поводья в руки супруга.

— Тогда попробуй сам. Не бойся, скачи спокойно, Люэин знает меру.

Цзылин моргнул.

— Хорошо...

Вот только «знающий меру» Люэин сейчас был в полной панике.

Он предвидел, что этот человек на него взoberётся, и даже пытался подготовиться к этому морально, но теперь, когда этот двуногий оказался у него на спине, жеребец почувствовал себя крайне неудобно. Не будь рядом хозяина, он бы уже давно пустился наутёк.

Хуже всего было то, что Жун Чжао остался на земле, позволив Цзылину ехать в одиночку. Значит, он остался один на один с этим существом!

«Какой ужас!»

Люэин был вне себя от горя. Но после всего, что произошло, он понял: хозяин ценит этого человека куда больше, чем его самого.

«И этот человек — настоящий демон!»

Он знал: если не подчиниться, его ждёт не просто лишение обеда, а что-то похуже. А значит, ему остаётся лишь покорно сносить всё, что вздумает этот маленький демон.

В огромных глазах жеребца застыла невыразимая печаль. Раньше хозяин не любил других людей, он любил только его! Обычно за выходы Люэин почти ничего не бывало, и все остальные в этом доме дрожали перед ним. Он подчинялся только Жун Чжао, а на прочих смотрел свысока. Не будь он таким гордым, никогда бы не позволил никому на себе ездить!

И вот откуда-то взялся этот новичок. Такой маленький с виду, казалось, его можно и не замечать, но на деле он оказался страшнее хозяина!

Сначала Люэин хотел его проучить. Он знал управляющего Вана и понимал, что человека, которого тот привёл, нельзя калечить, поэтому решил просто хорошенько напугать его — так, чтобы он шлёпнулся на пятую точку.

Но когда он подлетел к нему поближе, он почувствовал исходящую от Чжу Цзылина невероятную угрозу. Это было страшнее, чем когда Жун Чжао впервые его укрощал.

В конце концов, князь лишь хотел поймать его и сделать своим скакуном. Но взгляд Цзылина... от него у Люэина подкосились ноги. Ему казалось, что в следующее мгновение он превратится в кусок мяса в пасти хищника, и бежать будет некуда.

Люэин всегда знал, когда нужно отступить. Сражаться с Цзылином было бессмысленно и опасно, поэтому, почувствовав такую густую ауру смерти, он мгновенно передумал. Вместо того чтобы сбить его с ног, конь перепрыгнул через него и бросился прочь.

Чтобы Цзылин ничего не заподозрил, жеребец применил военную хитрость, которой научился в походах: уже решив бежать, он изобразил яростную атаку. Его манёвр удался, и ему казалось, что беда миновала.

Он и подумать не мог, что это было лишь начало его мучений. Судя по поведению Жун Чжао, ему теперь не видать покоя от этого странного маленького двуногого...

Хозяин, конечно, не позволит Цзылину его съесть, но вдруг этот демон решит расправиться с ним, пока они одни? Например, прямо сейчас?

Люэин дрожал от страха, а Цзылин тем временем справился с неловкостью и посмотрел вперёд. Его взгляд упал на белоснежную, крепкую шею коня...

Его мысли тут же унеслись далеко.

«Какая шея... Мяса на ней, должно быть, предостаточно. Если хорошо протушить, да со специями... пальчики оближешь».

Люэин внезапно почувствовал на своём загривке чей-то леденящий, голодный взгляд. Опасность была совсем близко. Конь задрожал всем телом, его грива встала дыбом...

— И-го-го!!!

<http://bllate.org/book/15829/1441045>